

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Морозко

Жили-были старик да старуха. У старика со старухой было три дочери. Старшую дочь старуха не любила (она была ей падчерица), почасту её журила, рано будила и всю работу на неё свалила. Девушка скотину поила-кормила, дрова и водицу в избу носила, печку топила, обряды^[1] творила, избу мела и всё убирала ещё до́свету; но старуха и тут была недовольна и на Марфушу ворчала:

– Экая ленивица, экая неряха! И голик-то не у места, и не так-то стоит, и сорно-то в избе.

Девушка молчала и плакала; она всячески старалась мачехе уноровить^[2] и дочерям её услужить; но сёстры, глядя на мать, Марфушу во всём обижали, с нею вздорили^[3] и плакать заставляли: то им и любо было! Сами они поздно вставали, приготовленной водицей умывались, чистым полотенцем утирались и за работу садились, когда пообедают. Вот наши девицы росли да росли, стали большими и сделались невестами. Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Старику жалко было старшей дочери; он любил её за то, что была послушная^[4] да работающая, никогда не упрямилась, что заставят, то и делала, и ни в чём слова не переборила^[5]; да не знал старик, чем пособить горю. Сам был хил, старуха ворчунья, а дочери её ленивицы и

упрямицы.

□ Вот наши старики стали думу думать: старик – как бы дочерей пристроить, а старуха – как бы старшую с рук сбыть. Однажды старуха и говорит старику:

– Ну, старик, отдадим Марфушу замуж.

– Ладно, – сказал старик и побрёл себе на печь; а старуха вслед ему:

– Завтра встань, старик, ты пораньше, запряги кобылу в дровни и поезжай с Марфуткой; а ты, Марфутка, собери своё добро в коробейку да накинь белую исподку^[6]: завтра поедешь в гости!

Добрая Марфуша рада была такому счастью, что увезут её в гости, и сладко спала всю ночь; поутру рано встала, умылась, богу помолилась, всё собрала, чередом уложила, сама нарядилась, и была девка – хоть куда невеста! А дело-то было зимою, и на дворе стоял трескучий мороз.

□ Старик наутро, ни свет ни заря, запряг кобылу в дровни, подвёл ко крыльцу; сам пришёл в избу, сел на коник^[7] и сказал:

– Ну, я всё изладил!

– Садитесь за стол да жрите! – сказала старуха.

Старик сел за стол и дочь с собой посадил; хлебница^[8] была на столе, он вынул челпан^[9] и нарушал^[10] хлеба и себе и дочери. А старуха меж тем подала в блюде старых щей и сказала:

– Ну, голубка, ешь да убирайся, я вдоволь на тебя нагляделась! Старик, увези Марфутку к жениху; да мотри, старый хрыч, поезжай прямой дорогой, а там сверни с дороги-то направо, на бор, – знаешь, прямо к той большой сосне, что на пригорке стоит, и тут отдай Марфутку за Морозка.

Старик вытаращил глаза, разинул рот и перестал хлебать, а

девка завывала.

– Ну, что тут нюни-то распустила! Ведь жених-то красавец и богач! Мотри-ка, сколько у него добра: все елки, мянды^[11] и берёзы в пуху; житьё-то завидное, да и сам он богатырь!

□Старик молча уклал пожитки, велел дочери накинуть шубняк^[12] и пустился в дорогу. Долго ли ехал, скоро ли приехал – не ведаю: скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Наконец доехал до бору, своротил с дороги и пустился прямо снегом по насту; забравшись в глушь, остановился и велел дочери слезать, сам поставил под огромной сосной коробейку и сказал:

– Сиди и жди жениха, да мотри – принимай ласковее.

А после заворотил лошадь – и домой.

□Девушка сидит да дрожит; озноб её пробрал. Хотела она выть, да сил на было: одни зубы только постукивают. Вдруг слышит: невдалеке Морозко на ёлке потрескивает, с ёлки на ёлку поскакивает да пощёлкивает. Очутился он и на той сосне, под коёй дэвица сидит, и сверху ей говорит:

– Тепло ли те, дэвица?

– Тепло, тепло, батюшко-Морозушко!

Морозко стал ниже спускаться, больше потрескивать и пощёлкивать. Мороз спросил дэвицу:

– Тепло ли те, дэвица? Тепло ли те, красная?

Дэвица чуть дух переводит, но ещё говорит:

– Тепло, Морозушко! Тепло, батюшко!

Мороз пуще затрещал и сильнее защёлкал и дэвице сказал:

– Тепло ли те, дэвица? Тепло ли те, красная? Тепло ли те, лапушка?

Дэвица окостеневала и чуть слышно сказала:

– Ой, тепло, голубчик Морозушко!

Тут Морозко сжалился, окутал дэвицу шубами и отогрел одеялами.

□Старуха наутро мужу говорит:

– Поезжай, старый хрыч, да буди молодых!

Старик запряг лошадь и поехал. Подъехавши к дочери, он нашёл её живую, на ней шубу хорошую, фату дорогую и короб с богатыми подарками. Не говоря ни слова, старик сложил все на´воз, сел с дочерью и поехал домой. Приехали домой, и дэвица бух в ноги мачехе. Старуха изумилась, как увидела девку живую, новую шубу и короб белья.

– Э, сука, не обманешь меня.

□Вот спустя немного старуха говорит старику:

– Увези-ка и моих-то дочерей к жениху; он их ещё не так одарит!

Не скоро дело делается, скоро сказка сказывается. Вот поутру рано старуха деток своих накормила и как следует под венец нарядила и в путь отпустила. Старик тем же путём оставил девок под сосною. Наши дэвицы сидят да посмеиваются:

– Что это у матушки выдуманно – вдруг обеих замуж отдавать? Разве в нашей деревне нет и ребят! Неровен чёрт приедет, и не знаешь какой!

□Девушки были в шубняках, а тут им стало зябко.

– Что, Параха? Меня мороз по коже подирает. Ну, как суженый-ряженный не приедет, так мы здесь околеем^[13].

– Полно, Машка, врать! Коли рано женихи собираются; а теперь есть ли и обед^[14] на дворе.

– А что, Параха, коли приедет один, кого он возьмёт?

– Не тебя ли, дурище?

– Да, мотри, тебя!

– Конечно, меня.

– Тебя! Полное тебе цыганить^[15] да врать!

Морозко у девушек руки ознобил, и наши дёвицы сунули руки в пазухи да опять за то же.

– Ой ты, заспанная рожа, нехорошая тресся^[16], поганое рыло! Прясть ты не умеешь, а перебирать и вовсе не смыслишь.

– Ох ты, хвастунья! А ты что знаешь? Только по беседкам ходить да облизываться. Посмотрим, кого скорее возьмёт!

Так дёвицы растабаривали и не в шутку озябли; вдруг они в один голос сказали:

– Да кой хранци^[17]! Что долго нейдёт? Вишь ты, посинела!

□ Вот вдалеке Морозко начал потрескивать и с ёлки на ёлку поскакивать да пощёлкивать. Дёвицам слышалось, что кто-то едет.

– Чу, Параха, уж едет, да и с колокольцом.

– Поди прочь, сука! Я не слышу, меня мороз обдирает.

– А ещё замуж нарохтишься^[18]!

И начали пальцы отдувать. Морозко всё ближе да ближе; наконец очутился на сосне, над дёвицами. Он дёвицам говорит:

– Тепло ли вам, дёвицы? Тепло ли вам, красные? Тепло ли, мои голубушки?

– Ой, Морозко, больно студёно! Мы замёрзли, ждём суженого, а

он, окаянный, сгинул.

Морозко стал ниже спускаться, пуще потрескивать и чаще пощёлкивать.

– Тепло ли вам, девицы? Тепло ли вам, красные?

– Поди ты к чёрту! Разве слеп, вишь, у нас руки и ноги отмёрзли.

Морозко ещё ниже спустился, сильно приударил и сказал:

– Тепло ли вам, девицы?

– Убирайся ко всем чертям в омут, сгинь, окаянный! – и девушки окостенели.

□Наутро старуха мужу говорит:

– Запряги-ка ты, старик, пошевёнки; положи охабочку сенца да возьми шубное опахало^[19]. Чай девки-то приозябли; на дворе-то страшный мороз! Да мотри, воровёй^[20], старый хрыч!

Старик не успел и перекусить, как был уж на дворе и на дороге. Приезжает за дочками и находит их мёртвыми. Он в пошевёнки деток свалил, опахалом закутал и рогожкой закрыл. Старуха, увидя старика издалека, навстречу выбегала и так его вопрошала:

– Что детки?

– В пошевнях.

Старуха рогожку отвернула, опахало сняла и деток мёртвыми нашла.

□Тут старуха как гроза разразилась и старика разбранила:

– Что ты наделал, старый пес? Уходил ты моих дочек, моих кровных деточек, моих ненаглядных семечек, моих красных ягодок! Я тебя хватом прибью, кочергой зашибу!

– Полно, старая дрянь! Вишь, ты на богатство польстилась, а детки твои упрямыцы! Коли я виноват? Ты сама захотела.

Старуха посердилась, побранилась, да после с падчерицею помирилась, и стали они жить да быть да добра наживать, а лиха не поминать. Присватался сосед, свадебку сыграли, и Марфуша счастливо живёт. Старик внучат Морозком стращал и упрямыться не давал. Я на свадьбе был, мёд-пиво пил, по усу текло, да в рот не попало.

---

[1] – Уборы, женские платья.

[2] – Приноровиться, прийти по нраву.

[3] – Ссорились.

[4] – Послушная.

[5] – Не поперечила.

[6] – Чистую рубаху.

[7] – Коник – ларь для спанья, крытая лавка в красном углу, под образами.

[8] – Круглая коробка, лукошко с крышкой для держания хлеба.

[9] – Непочатый каравай хлеба, пирог без начинки.

[10] – Нарезал.

[11] – Верхние слои сосны.

[12] – Крестьянская баранья шуба.

[13] – Замёрзнем.

[14] – Обеденная пора, полдень.

[15] – Насмехаться.

[16] – Ругательное слово, прилагаемое людям сварливым и вздорным: трясса – лихорадка.

[17] – Бранное выражение.

[18] – Собираешься, хочешь

[19] – Покрывало, одеяло.

[20] – Проворнее, скорее.

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Вазуза и Волга

Волга с Вазузой долго спорили, кто из них умнее, сильнее и достойнее большего почёта. Спорили, спорили, друг друга не переспорили и решились вот на какое дело.

– Давай вместе ляжем спать, а кто прежде встанет и скорее придёт к морю Хвалынскому^[1], та из нас и умнее, и сильнее, и почёту достойнее.

Легла Волга спать, легла и Вазуза. Да ночью встала Вазуза потихоньку, убежала от Волги, выбрала себе дорогу и прямее и ближе, и потекла. Проснувшись, Волга пошла ни тихо, ни скоро, а как следует; в Зубцове догнала Вазузу, да так грозно, что Вазуза испугалась, назвалась меньшою сестрою и просила Волгу принять её к себе на руки и снести в море Хвалынское. А все-таки Вазуза весной раньше просыпается и будит Волгу от зимнего сна.

---

[1] – Каспийское море.

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Ведьма и Солнцева сестра

В некотором царстве, далёком государстве, жил-был царь с царицей, у них был сын Иван-царевич, с роду немой. Было ему лет двенадцать, и пошёл он раз в конюшню к любимому своему конюху. Конюх этот сказывал ему завсегда сказки, и теперь Иван-царевич пришёл послушать от него сказочки, да не то услышал.

– Иван-царевич! – сказал конюх. – У твоей матери скоро родится

дочь, а тебе сестра; будет она страшная ведьма, съест и отца, и мать, и всех подначальных людей; так ступай, попроси у отца что ни есть наилучшего коня – будто покататься, и поезжай отсюда куда глаза глядят, коли хочешь от беды избавиться.

Иван-царевич прибежал к отцу и с роду впервой заговорил с ним; царь так этому возрадовался, что не стал и спрашивать: зачем ему добрый конь надобен? Тотчас приказал что ни есть наилучшего коня из своих табунов оседлать для царевича. Иван-царевич сел и поехал куда глаза глядят.

□Долго-долго он ехал; наезжает на двух старых швей и просит, чтоб они взяли его с собой жить. Старухи сказали:

– Мы бы рады тебя взять, Иван-царевич, да нам уж немного жить. Вот доломаем сундук иголок да изошьём сундук ниток – тотчас и смерть придёт!

Иван-царевич заплакал и поехал дальше. Долго-долго ехал, подъезжает к Вертодубу и просит:

– Прими меня к себе!

– Рад бы тебя принять, Иван-царевич, да мне жить остается немного. Вот как повыдерну все эти дубы с кореньями – тотчас и смерть моя!

Пуще прежнего заплакал царевич и поехал всё дальше да дальше. Подъезжает к Вертогору; стал его просить, а он в ответ:

– Рад бы принять тебя, Иван-царевич, да мне самому жить немного. Видишь, поставлен я горы ворочать; как справлюсь с этими последними – тут и смерть моя!

Залился Иван-царевич горькими слезами и поехал ещё дальше.

□Долго-долго ехал; приезжает, наконец, к Солнцевой сестрице. Она его приняла к себе, кормила-поила, как за родным сыном ходила. Хорошо было жить царевичу, а всё нет-нет, да и сгрустнётся: захочется узнать, что в родном доме делается?

Взойдёт, бывало, на высокую гору, посмотрит на свой дворец и видит, что всё съедено, только стены остались! Вздохнёт и заплачет. Раз этак посмотрел да поплакал – воротился, а Солнцева сестра спрашивает:

– Отчего ты, Иван-царевич, нонче заплаканный?

Он говорит:

– Ветром в глаза надуло.

В другой раз опять то же; Солнцева сестра взяла да и запретила ветру дуть. И в третий раз воротился Иван-царевич заплаканный; да уж делать нечего – пришлось во всём признаваться, и стал он просить Солнцеву сестрицу, чтоб отпустила его, добра молодца, на родину понаведаться. Она его не пускает, а он её упрашивает; наконец упросил-таки, отпустила его на родину понаведаться и дала ему на дорогу щётку, гребёнку да два молодых яблочка; какой бы ни был стар человек, а съест яблочко – вмиг помолодеет!

□ Приехал Иван-царевич к Вертогору, всего одна гора осталась; он взял свою щётку и бросил во чисто́ поле: откуда ни взялись – вдруг выросли из земли высокие-высокие горы, верхушками в небо упираются; и сколько тут их – видимо-невидимо! Вертогор обрадовался и весело принялся за работу. Долго ли, коротко ли – приехал Иван-царевич к Вертодубу, всего три дуба осталось; он взял гребёнку и кинул во чисто́ поле: откуда что́ – вдруг зашумели, поднялись из земли густые дубовые леса, дерево дерева толще! Вертодуб обрадовался, благодарствовал царевичу и пошёл столетние дубы выворачивать. Долго ли, коротко ли – приехал Иван-царевич к старухам, дал им по яблочку; они съели, вмиг помолодели и подарили ему хусточку^[2]: как махнёшь хусточкой – станет позади целое озеро!

□ Приезжает Иван-царевич домой. Сестра выбежала, встретила его, приголубила:

– Сядь, – говорит, – братец, поиграй на гуслях, а я пойду –

обед приготовлю.

Царевич сел и бренчит на гуслях; выполз из норы мышонок и говорит ему человеческим голосом:

– Спасайся, царевич, беги скорее! Твоя сестра ушла зубы точить.

Иван-царевич вышел из горницы, сел на коня и поскакал назад; а мышонок по струнам бегаёт, гусли бренчат, а сестра и не ведает, что братец ушёл. Наточила зубы, бросилась в горницу, глядь – нет ни души, только мышонок в нору скользнул. Разозлилась ведьма, так и скрипит зубами, и пустилась в погоню.

□Иван-царевич услышал шум, оглянулся – вот-вот нагонит сестра; махнул хусточкой – и стало глубокое озеро. Пока ведьма переплыла озеро, Иван-царевич далеко уехал. Понеслась она ещё быстрее... вот уж близко! Вертодуб угадал, что царевич от сестры спасается, и давай вырывать дубы да валить на дорогу; целую гору накидал! Нет ведьме проходу! Стала она путь прочищать, грызла-грызла, насилиу продралась, а Иван-царевич уж далеко. Бросилась догонять, гнала-гнала, ещё немножко... и уйти нельзя! Вертогор увидал ведьму, ухватился за самую высокую гору и повернул её как раз на дорогу, а на ту гору поставил другую. Пока ведьма карабкалась да лезла, Иван-царевич ехал да ехал и далеко очутился.

□Перебралась ведьма через горы и опять погнала за братом... Завидела его и говорит:

– Теперь не уйдёшь от меня!

Вот близко, вот нагонит! В то самое время подскакал Иван-царевич к теремам Солнцевой сестрицы и закричал:

– Солнце, Солнце! Отвори оконце.

Солнцева сестрица отворила окно, и царевич вскочил в него вместе с конём. Ведьма стала просить, чтоб ей выдали брата

головую; Солнцева сестра её не послушала и не выдала. Тогда говорит ведьма:

– Пусть Иван-царевич идёт со мной на весы, кто кого перевесит! Если я перевешу – так я его съем, а если он перевесит – пусть меня убьёт!

Пошли; сперва сел на весы Иван-царевич, а потом и ведьма полезла: только ступила ногой, как Ивана-царевича вверх и подбросило, да с такою силою, что он прямо попал на небо, к Солнцевой сестре в терема; а ведьма-змея осталась на земле.

---

[1] – Хусточка – платочек.

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Солнце, Месяц и Ворон Воронович

Жил-был старик да старуха, у них было три дочери. Старик пошёл в амбар крупку брать; взял крупку, понёс домой, а на мешке-то была дырка; крупа-то в неё сыплется да сыплется. Пришёл домой. Старуха спрашивает:

– Где крупка? – а крупка вся высыпалась.

Пошёл старик собирать и говорит:

– Кабы Солнышко обогрело, кабы Месяц осветил, кабы Ворон Воронович пособил мне крупку собрать: за Солнышко бы отдал старшую дочь, за Месяца – среднюю, а за Ворона Вороновича – младшую!

Стал старик собирать – Солнце обогрело, Месяц осветил, а Ворон Воронович пособил крупку собрать. Пришёл старик домой, сказал старшей дочери:

– Оденься хорошенько да выйди на крылечко.

Она оделась, вышла на крылечко; Солнце и утащило её. Средней дочери также велел одеться хорошенько и выйти на крылечко. Она оделась и вышла; Месяц схватил и утащил вторую дочь. И меньшей дочери сказал:

– Оденься хорошенько да выйди на крылечко.

Она оделась и вышла на крылечко; Ворон Воронович схватил её и унёс.

□Старик и говорит:

– Идти разве в гости к зятю.

Пошёл к Солнышку; вот и пришёл. Солнышко говорит:

– Чем тебя потчевать?

– Я ничего не хочу.

Солнышко сказало жене, чтоб настряпала оладьев. Вот жена

настряпала. Солнышко уселось среди полу, жена поставила на него сковороду – и оладьи сжарились. Накормили старика. Пришёл старик домой, приказал старухе состряпать оладьев; сам сел на пол и велит ставить на себя сковороду с оладьями.

– Чего на тебе испекутся! – говорит старуха.

– Ничего, – говорит, – ставь, испекутся.

Она и поставила; сколько оладьи ни стояли, ничего не испеклись, только прокисли. Нечего делать, поставила старуха сковородку в печь, испеклися оладьи, наелся старик.

□На другой день старик пошёл в гости к другому зятю, к Месяцу. Пришёл. Месяц говорит:

– Чем тебя потчевать?

– Я, – отвечает старик, – ничего не хочу.

Месяц затопил про него баню. Старик говорит:

– Тёмно, бываѐ^[1], в бане-то будет!

А Месяц ему:

– Нет, светло; ступай.

Пошёл старик в баню, а Месяц запихал перстик^[2] свой в дырочку и оттого в бане светло-светло стало. Выпарился старик, пришёл домой и велит старухе топить баню ночью. Старуха истопила; он и посылает её туда париться. Старуха говорит:

– Тёмно париться-то!

– Ступай, светло будет!

Пошла старуха, а старик видел-то, как светил ему Месяц, и сам туда ж – взял прорубил дыру в бане и запихал в неё свой перст. А в бане свету нисколько нет! Старуха знай кричит ему:

– Тёмно!

Делать нечего, пошла она, принесла лучины с огнём и выпарилась.

□На третий день старик пошёл к Ворону Вороновичу. Пришёл.

– Чем тебя потчевать-то? – спрашивает Ворон Воронович.

– Я, – говорит старик, – ничего не хочу.

– Ну, пойдём хоть спать на седала^[3].

Ворон поставил лестницу и полез со стариком. Ворон Воронович посадил его под крыло. Как старик заснул, они оба упали и убились.

---

[1] – Вероятно, может быть.

[2] – Пальчик.

[3] – Насесть.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Грибы

Вздумал гриб, разгадал боровик; под дубочком сидючи, на все грибы глядючи, стал приказывать:

– Приходите вы, белянки, ко мне на войну.

Отказались белянки:

– Мы грибковые дворянки, не идём на войну.

– Приходите, рыжики, ко мне на войну.

Отказались рыжики:

– Мы богатые мужики, неповинны на войну идти.

– Приходите вы, волнушки, ко мне на войну.

Отказались волнушки:

– Мы господские стряпушки, не идём на войну.

– Приходите вы, опёнки, ко мне на войну.

Отказались опёнки:

– У нас ноги очень тонки, мы нейдём на войну.

– Приходите, грузди, ко мне на войну.

– Мы, грузди, – ребятушки дружны, пойдём на войну!

Это было, как царь-горох воевал с грибами.

Загрузка...

**Русские народные сказки. А.
Н. Афанасьев. Репка**

Посеял дедка репку; пошёл репку рвать, захватился за репку: тянет-потянет, вытянуть не может!

Со́звал дедка бабку; бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут!

Пришла внучка; внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут!

Пришла сучка; сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут!

Пришла но́га(?). Но́га за сучку, сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут!

Пришла дру́га но́га; дру́га но́га за но́гу, но́га за сучку, сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут! (и так далее до пятой но́ги).

Пришла пя́та но́га. Пять ног за четыре, четыре но́ги за три, три но́ги за две, две но́ги за но́гу, но́га за сучку, сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут: вытянули репку!

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Пузырь, соломинка и лапоть

Жили-были пузырь, соломинка и лапоть; пошли они в лес дрова рубить, дошли до реки, не знают: как через реку перейти? Лапоть говорит пузырю:

– Пузырь, давай на тебе переплывём!

– Нет, лапоть, пусть лучше соломинка перетянется с берега на берег, а мы перейдем по ней.

Соломинка перетянулась; лапоть пошёл по ней, она и переломилась. Лапоть упал в воду, а пузырь хохотал, хохотал, да и лопнул!

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Мизгирь

В стары годы, в старопрежние, в красну вёсну, в тёплые лета сделалась такая соморота[1], в мире тягота: стали проявляться комары да мошки, людей кусать, горячую кровь пропускать. Проявился мизгирь[2], удалой добрый мо́лодец, стал ножками трясти да мерёжки[3] плести, ставить на пути, на дорожки, куда летают комары да мошки. Муха грязна, строка[4] некошна[5], полетела, да чуть не пала, да к мизгирю в сеть попала; то[6] её мизгирь стал бить, да губить, да за горло давить. Муха мизгирю возмолилася:

– Батюшка мизгирь! Не бей ты меня, не губи ты меня; у меня много будет детей сиротать, по дворам ходить и собак дразнить.

То её мизгирь опустил; она полетела, забунчала[7], известила всем комарам и мошкам:

– Ой еси вы, комары и мошки! Убирайтесь под осиново корище[8]: проявился мизгирь, стал ножками трясти, мерёжки плести, ставить на пути, на дорожки, куды летают комары да мошки; всех изловит!

Они полетели, забились под осиново корище, лежат яко мёртвы.

□Мизгирь пошёл, нашёл сверчка, таракана и клопа:

– Ты, сверчок, сядь на кочок[9] испивать табачок; а ты, таракан, ударь в барабан; а ты, клоп-блинник, поди под осиново корище, проложь про меня, мизгиря-борца, добра молодца, такую славу, что мизгиря-борца, добра молодца, в живе нет: в Казань отослали, в Казани голову отсекли на плахе, и плаху раскололи.

Сверчок сел на кочок испивать табачок, а таракан ударил в барабан; клоп-блинник пошёл под осиново корище, говорит:

– Что запали, лежите яко мёртвы? Ведь мизгиря-борца, добра молодца, в живе нет: в Казань отослали, в Казани голову отсекли на плахе, и плаху раскололи.

Они возрадовались и возвеселились, по´трою[10] перекрестились, полетели, чуть не пали, да к мизгирию все в сеть попали. Он и говорит:

– Что вы очень мелки! Почаще бы ко мне в гости бывали, пивца-винца испивали и нам бы подавали!

---

[1] – Вместо: соромота (срамота).

[2] – Мизгирь – паук.

[3] – Мрежи, сети.

[4] – Строка – насекомое, похожее на осу.

[5] – Нёкошной – злой, неприятный.

[6] – Тут, тогда.

[7] – Зажужжала.

[8] – Кореньище.

[9] – Сядь на кочку (?).

[10] – По три раза.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Терем мухи

Построила муха терем; пришла вошь-поползуха:

– Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоко́м?

– Муха-горюха; а ты кто?

– Я вошь-поползуха.

Пришла блоха-попрядуха^[1]:

– Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоко́м?

– Я, муха-горюха, да вошь-поползуха.

Пришёл комар долгоногий:

– Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоко́м?

– Я, муха-горюха, я, вошь-поползуха, я, блоха-попрядуха.

Пришла мышечка-тютюрющечка:

– Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоко́м?

– Я, муха-горюха, я, вошь-поползуха, я, блоха-попрядуха, я комар долгоногий.

□Пришла ящерка^[2]-шероше́рочка:

– Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоко́м?

– Я, муха-горюха, я, вошь-поползуха, я, блоха-попрядуха, я, комар долгоногий, я, мышечка-тютюрющечка.

Пришла лиса Патрикеевна:

– Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоко́м?

– Я, муха-горюха, я, вошь-поползуха, я, блоха-попрядуха, я, комар долгоногий, я, мышечка-тютюрющечка, я, ящерка-шероше́рочка.

Пришёл зайшко из-под ку́стышка:

– Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоко́м?

– Я, муха-горюха, я, вошь-поползуха, я, блоха-попрядуха, я, комар долгоногий, я, мышечка-тютюрющечка, я, ящерка-шероше́рочка, я, лиса Патрикеевна.

□Пришёл волчище серое хвостиче:

– Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоко́м?

– Я, муха-горюха, я, вошь-поползуха, я, блоха-попрядуха, я, комар долгоногий, я, мышечка-тютюрющечка, я, ящерка-шероше́рочка, я, лиса Патрикеевна, я, зайшко из-под ку́стышка.

Пришёл медведь толстоногий:

– Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоко́м?

– Я, муха-горюха, я, вошь-поползуха, я, блоха-попрядуха, я, комар долгоногий, я, мышечка-тютюрюшечка, я, ящерка-шерошёрочка, я, лиса Патрикеевна, я, зайка из-под кустышка, я, волчище серое хвостище.

Все из терема:

– А ты кто?

– Я тяпыш-ляпыш, всем подгнётыш! – сказал медведь, спустил лапой по терему и разбил его.

---

[1] – От слова «прядать» – прыгать, скакать

[2] – Ящерица.

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Байка о щуке зубастой

В ночь на Иванов день родилась щука в Шексне, да такая зубастая, что боже упаси! Лещи, окуни, ерши – все собрались глазеть на неё и дивовались такому чуду. Вода той порой в Шексне всколыхалася; шёл паром через реку, да чуть не затопился, а красные девки гуляли по берегу, да все порассыпались. Экая щука родилась зубастая! И стала она расти не по дням, а по часам: что день, то на вершок прибавится; и стала щука зубастая в Шексне похаживать да лещей, окуней полавливать: издали увидит леща, да и хватить его зубами – леща как не бывало, только косточки хрустят на зубах у щуки зубастой.

□Экая оказия случилась в Шексне! Что делать лещам да окуням? Тошно приходит: щука всех приест, прикорнает^[1]. Собралась вся мелкая рыбица, и стали думу думать, как перевести щуку зубастую да такую торовастую. На совет пришёл и Ёрш Ершович и так наскоро взголцыл^[2]:

– Полноте думу думать да голову ломать, полноте мозг портить; а вот послушайте, что я буду баять. Тошно нам всем тепере в Шексне; щука зубастая проходу не даёт, всякую рыбу на зуб берёт! Не житьё нам в Шексне, переберёмтесь-ка лучше в мелкие речки жить – в Сизму, Коному да Славенку; там нас никто не тронет, и будем жить припеваючи да деток наживаючи.

□И поднялись все ерши, лещи, окуни из Шексны в мелкие речки

Сизму, Коному да Славенку. По дороге, как шли, хитрый рыбарь многих из ихней братьи изловил на удочку и сварил забубенную ушицу, да тем, кажись, и заговелся. С тех пор в Шексне совсем мало стало мелкой рыбицы. Закинет рыбарь удочку в воду, да ничего не вытащит; когда-некогда попадётся стерлядка, да тем и ловле шабаш! Вот вам и вся байка о щуке зубастой да такой торовастой. Много наделала плутовка хлопот в Шексне, да после и сама несдобровала; как не стало мелкой рыбицы, пошла хватать червячков и попалась сама на крючок. Рыбарь сварил уху, хлебал да хвалил: такая была жирная! Я там был, вместе уху хлебал, по усу текло, в рот не попало.

---

[1] – Погубит, изведёт.

[2] – Голчить – говорить, кричать.

Загрузка...